

Археологические вести

— 27 —

Archaeological news

27
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

27
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова, академик РАН В. Л. Янин

Рецензенты:

кандидат исторических наук А. А. Пескова, доктор исторических наук Е. А. Рыбина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — Вып. 27 / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 446 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В очередной выпуск «Археологических вестей» включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. В серии работ, входящих в раздел «Новые открытия и исследования», рассматриваются отдельные категории археологических древностей от каменного века до нового времени, также вводятся в научный оборот материалы палеолитического нахождения Ункей (Нукутский район, Иркутская область) и анализируются контакты населения самбийско-натагийской культуры со Средним Дунаем в гуннское и постгуннское время. В специальный раздел включены статьи по актуальным проблемам археологии эпохи бронзы и раннего железа Кавказа, а также работа по интерпретации камерных погребений в Пскове второй половины X в. Кроме того в журнале представлены работы по истории и организации науки. Среди авторов — ученые из различных городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Новосибирска, Владикавказа), Украины (Одессы) и Франции (Парижа).

The present issue of «Arkheologicheskie vesti» (Archaeological News) includes articles concerned with the most recent researches in the sphere of archaeology, history and culture. The series of works comprised in the section “New discoveries and researches” considers particular categories of archaeological antiquities dated from the Stone Age to the modern period; in particular, materials from the Palaeolithic site of Unkey (Nukut district, Irkutsk Oblast) are published and contacts between the population of the Sambia-Natangia culture and the Middle Danubian region during the Hun and post-Hun time are analysed. A special section includes papers on the current problems of archaeology of the Bronze Age and the Early Iron Age in the Caucasus, as well as a study on the interpretation of stone burials in Pskov of the second half of the 10th century. In addition, the yearbook presents works on the history and organization of the archaeological science. The authors are scholars from different research centres of Russia (Moscow, St. Petersburg, Irkutsk, Novosibirsk, Vladikavkaz), Ukraine (Odessa) and France (Paris).

Первая страница обложки — Пенджикент. Расписная керамика (к статье Ф. Ш. Аминова)
First page of cover — Panjakent. Painted pottery (article by F. Sh. Aminov)

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа

С. Б. Бурков¹

Аннотация. Появление и развитие обряда кремации остаются одной из малоразработанных проблем в изучении кобанской культуры Кавказа. Одним из ключевых является определение источника возникновения данной погребально-поминальной традиции. Согласно двум взаимоисключающим концепциям, приоритет отдается племенам или Средней Европы (В. И. Козенкова), или Закавказья (А. Ю. Скаков), но в обоих случаях в их основе лежит идея заимствования такой традиции. В статье проанализированы возможные варианты решения проблемы с учетом материалов культуры племен «колхидо-кобанского» круга. Тема «срубного» следа в судьбах населения Кавказа финала среднего бронзового века и начала позднего бронзового века в исследовании рассмотрена лишь как общекультурный контекст. По мнению автора, обряд кремации на Северном Кавказе имеет давние традиции, длительное время присутствуя в различных культурах. Возможно, его появление связано не с прямым заимствованием традиций других культур, а обусловлено сменой идеологической основы самой погребально-поминальной обрядности, что могло привести к увеличению количества трупосожжений. Если в одном и том же обряде встречается разнообразие форм, то он мог не иметь сугубо этнокультурной природы, а, скорее, был надкультурного характера.

Annotation. The emergence and evolution of the cremation rite remains one of the little-understood problems in the studies of the Koban culture of the Caucasus. Of key importance is the identification of the origin of this funeral and memorial tradition. According to the two absolutely contradicting concepts, the priority is attributed to tribes of Central Europe (V. I. Kozenkova) or the Transcaucasia (A. Yu. Skakov) but, in both cases, the idea of the borrowing of this tradition is laid in the basis. The present paper analyses possible variants of the solution of this problem with a consideration of the evidence of the culture of the tribes of the 'Kolchis-Koban' circle. The problem of the 'Timber-grave' trace in the fates of the population of the Caucasus of the final Middle Bronze Age is considered in this study only within a general cultural context. In the opinion of the author, the rite of cremation in the Northern Caucasus was an old tradition and for a long time had been present in different cultures. Possibly, its appearance was not related with a direct borrowing of traditions of other cultures but was due to a change of the ideological basis of the funeral-memorial rite proper, which possibly increased the numbers of cremations. If a variety of forms is encountered within the same rite then the latter may have been of no ethnocultural nature but probably it possessed a super-cultural character.

Ключевые слова: Кавказ, поздний бронзовый век, кобанская культура, могильник, погребение, кремация, миграция, культурная трансформация.

Keywords: Caucasus, Late Bronze Age, Koban culture, burial ground, burial, cremation, migration, cultural transformation.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-60-71

¹ Отдел археологии, Институт истории и археологии РСО-А; ул. Ватутина, 46, г. Владикавказ, 362025, Россия; E-mail: sergeyburkov59@yandex.ru.

Введение

Обрядовые действия, связанные с использованием огненных ритуалов, зафиксированы во многих археологических культурах начиная с энеолита. Они известны на Северном и Южном Кавказе, где в погребальных обрядах в позднем бронзовом веке особое место занимает кремация. Так, М. В. Добровольская отмечает, что стремительное распространение по всей Евразии традиции кремации происходит во второй половине II тыс. до н. э., а с середины II тыс. до н. э. обряды трупосожжения приобретают массовое распространение (Добровольская, 2010. С. 90–91). В частности, они зафиксированы в погребениях кобанской и синхронной ей колхидской культур, однако тема, связанная с появлением и распространением обряда кремации на Кавказе, остается остро дискуссионной. В этой статье рассматриваются концепции появления трупосожжения у племен упомянутых выше культур, предложенные В. И. Козенковой и А. Ю. Скаковым. В своих трудах они уделили заметное место этой проблеме. Основной целью настоящей работы является анализ материалов, привлекаемых этими кавказоведами для обоснования своих базовых положений и выводов. Сопоставляя их позиции и привлекая дополнительные источники, в статье излагается авторская позиция, а также предлагаются перспективные пути изучения этой темы. Первоначально приведены основные работы В. И. Козенковой, дана оценка ее аргументов. Затем анализируются труды А. Ю. Скакова. Далее предложены комментарии автора, его выводы и сформулирован подход к изучению проблемы появления и развития обряда кремации в кобанской культуре.

Работы В. И. Козенковой

Свою первую работу, в которой обозначена идея об истоках обряда кремации в среде племен кобанской культуры на начальном этапе ее формирования, В. И. Козенкова опубликовала в 1982 г. Она отметила памятники, где этот обряд был зафиксирован (Верхняя Рутха, Эшкакон, Терезе, Баксанское ущелье (аул Булунгу), район Карабашево). По ее

мнению, этот ритуал начал формироваться в конце II тыс. до н. э., при этом раннюю группу кремационных погребений она отнесла ко второй половине XIII — первой половине XII в. до н. э. Она отметила и другие местонахождения, где также зафиксирована кремация, в том числе в Закавказье. Основываясь на том факте, что в Закавказье кремация широко распространяется лишь к началу I тыс. до н. э. (то есть заметно позже центральнокавказских памятников), она пришла к выводу, что эта область не может рассматриваться в качестве исходной для обряда трупосожжения. Напротив, В. И. Козенкова предположила обратный процесс, когда традиция кремации как способа погребения получила широкое распространение в связи с влиянием (миграцией) кобанских племен. По ее мнению, исходной территорией, откуда этот обряд проник и распространился в кобанской культуре, была территория Подунавья. Благодаря посредничеству сабатиновской культуры он проникает на Северный Кавказ, где на «предкобанской» стадии фиксируются нижнедунайские типы украшений и предметы вооружения. Она считает, что на раннем этапе этот обряд отражал присутствие иноэтнических группировок, в дальнейшем растворившихся среди местных племен. Позднее, уже в VIII–VII вв. до н. э., он распространяется в ареале колхидской культуры, выступая на начальном этапе как этнический маркер переселившейся группы (Козенкова, 1982).

В научном докладе, представленном в 1989 г. в качестве докторской диссертации, эту тему В. И. Козенкова глубоко не рассматривала. Кремация в нем показана как имевший место обряд, появившийся на «протокобанском» этапе. Характеристика же предметов позднего бронзового века, происходящих из Подунавья и Балкан, которые были найдены в зоне распространения Кобани, дана вне связи с этой обрядовой нормой (Козенкова, 1989. С. 17).

В совместной с А. П. Мошинским статье 1995 г. она вновь приводит тот же набор аргументов, что и в статье 1982 г., не рассматривая закавказские традиции как исходные

для обряда трупосожжения. Одновременно в этой работе отмечено синхронное появление данного обряда в Дигории и Раче, что, по мнению авторов, подтверждает исключительно тесную связь данных регионов на рубеже среднего и позднего бронзового века (*Козенкова, Мошинский, 1995. С. 48–49*).

В монографии, посвященной основным проблемам происхождения и развития кобанской культуры, В. И. Козенкова отстаивает свою позицию. Обращаясь к материалам Закавказья, она привела немногочисленные известные ей данные по обряду кремации на памятниках Грузии, Армянского нагорья и Азербайджана второй половины III тыс. до н. э. Это позволило ей прийти к выводу, что для рассматриваемых территорий в раннем бронзовом веке не характерна данная обрядовая норма. Известные к началу II тыс. до н. э. на территории Армении случаи трупосожжения определены исследовательницей как эпизодические. Этот обряд для конца II — начала I тыс. до н. э. на территории Восточного Закавказья более характерен для погребений ходжалы-кедабекского типа, рассматриваемых как элемент культуры переселяющихся иранских племен. В VIII–VII вв. до н. э. кремация в восточных и центральных районах Закавказья встречается лишь спорадически, она синхронна или появляется позже центральнокавказских захоронений. Всё это, по ее мнению, делает гипотезу о закавказском исходном импульсе появления этого обряда в Кобани маловероятным, поскольку только для среднеевропейских культур отмечены древнейшие погребения с кремациями. Это могло быть связано с единовременным кратким импульсом в один из периодов активного взаимовлияния и взаимопроникновения западных и восточных культурных элементов при посредничестве племен сабагиновской культуры. Данная норма — локальная особенность дигорской и близкородственных ей групп населения Кобани. На «предкобанском» этапе обряд кремации отражал присутствие чужеродного этноса и направление миграции западнокавказской популяции данной археологической культуры (*Козенкова, 1996*).

Эти рассуждения присутствуют в монографии Е. И. Козенковой, посвященной публикации материалов могильника у с. Терезе в Карачаево-Черкесии, основу которого составляли погребения с трупосожжениями. Однако здесь тема появления в кобанской культуре этого обряда оказалась связанной лишь с анализом обнаруженных материалов. Развернутой системы доводов в пользу средне- и восточноевропейского пути его обретения в книге нет. Могильник Терезе Е. И. Козенкова датировала концом XII — VIII в. до н. э. (*Козенкова, 2004*). Однако исходя из разработанной ею периодизации существования культуры, процессы, связанные с формированием базовых элементов Кобани, к началу функционирования рассматриваемого могильника уже завершаются. Для выделяемого ею периода Кобан I-б (начало XIV — первая половина XI в. до н. э.) обряд кремации отмечен как существенный, а для периода Кобан II (середина XII — рубеж XI/X вв. до н. э.) он отнесен к эпизодическим (*Козенкова, 1996. С. 10, 89–93, 131*). В таком случае утверждение исследовательницы о принятии обряда кремации на стадии формирования культуры выглядит не столь очевидным. Исходя из стратиграфических наблюдений, самым ранним погребением с кремацией являлась гробница № 2 могильника Терезе. Однако попытка установления относительной и абсолютной хронологии для этого погребального комплекса достаточно условна и основана на полевых наблюдениях, так как топография находок здесь могла быть иной из-за периодического смещения во время неоднократно осуществленных кремаций. К тому же зафиксированный обряд трупосожжения предстает здесь уже полностью сформированным. Но где происходило само формирование, на какой территории?

В. И. Козенкова утверждает, что оставивший могильник Терезе коллектив первоначально проживал на южном склоне Большого Кавказа, в бассейне Большой Лиахвы. В дальнейшем через Кобанское и Дигорское ущелья население мигрировало в предгорья северо-западной части Центрального Кавказа. Данный вывод подтверждается материалами

могильника. В частности, височные подвески VI и VII типов, стержневидные булавки с лопатообразными навершиями, булавки с навершием в виде пятишишечной булавки, бронзовое навершие булавки с четырьмя выступами датируются XIV–XIII вв. до н. э. Эти изделия наиболее характерны для погребений Тлийского и Стырфазского могильников, Нули и Квасатели в Южной Осетии. Находки этих изделий на памятнике западной группы Кобани указывают на время и территорию, откуда могло появиться изготовившее их население. Ряд керамических форм, в том числе и так называемые круглодонные фиалообразные кубки и их разновидности, датированы В. И. Козенковой второй половиной XIV — XIII в. до н. э. В то же время лопастные височные подвески и подвески кольцевидной формы из узкой мелкорифленой литой пластины, напоминающие, по ее мнению, вплоть до мелких деталей браслеты гальштатского типа из позднебронзовых памятников Восточной Европы, датируются ею XI–IX вв. до н. э., что исключает их из системы доказательств. К тому же металл, из которого они сделаны, — кавказский.

Следует также отметить тот факт, что изначально некавказские корни отдельных предметов для времени функционирования рассматриваемого могильника фактически являлись уже местными формами. К таковым можно отнести круглодонные кубки, узкое долото, крупные височные подвески сложной формы с волютами на концах, височные подвески из ребристой пластины, ажурные кольцевидные привески с крестом в центре, бронзовую рукоятку меча, широкие манжетовидные браслеты с крупными завитками на концах, бронзовые втульчатые двухлопастные наконечники стрел, бусы из египетского фаянса.

Височные подвески выделяемого ею VII типа очень похожи на подобные из погребений XIV–XIII вв. до н. э. из Нули и Квасатели в Южной Осетии и одновременно близки браслетам из рифленых пластин из памятников гальштатского периода, где они датируются более поздним временем — XII–X вв. до н. э. Подобные же находки для Пруто-Днестровского междуречья отнесены ею

ко времени второй половины XI — второй половины X в. до н. э., поэтому они тоже не могут учитываться в приводимой В. И. Козенковой системе доказательств. Как же тогда объяснить их схожесть? Предполагается, что это отражение общего для всего Циркумпонтийского региона процесса воздействия культур эпохи бронзы Средиземноморья на окружающий мир. По ее мнению, эти формы являются доказательством миграционных процессов, которые с юго-восточных Альп докатились и до Большого Кавказа (Козенкова, 2004. С. 45, 111, 117, 122, 134, 143, 145, 150, 153–155). Однако данные предметы не могут быть использованы для подобных доказательств, ведь их прототипы с территории Грузии древнее и типологически более близки, чем среднеевропейские.

Вполне вероятно, имел место обратный процесс, что может быть истолковано как кавказское влияние на культуры Средней Европы. К тому же сама В. И. Козенкова пишет о том, что археологические материалы показывают огромное воздействие культур Кавказского региона на степные культуры конца II — первой половины I тыс. до н. э. юга Восточной Европы, Северного Причерноморья, Нижнего Подонья и Поволжья (*Там же*). Поэтому, на наш взгляд, мнение о появлении обряда кремации в Кобани на начальном этапе формирования ее западнокавказского варианта через заимствование из Подунавья (при посредничестве степных племен сабатиновской культуры) не имеет под собой так называемых материальных оснований.

Тема, связанная с влиянием подвижных скотоводов середины — третьей четверти II тыс. до н. э. в культурно-исторических процессах на Северном Кавказе, требует отдельного внимания и привлечения значительного числа материалов. Далее рассмотрены работы А. Ю. Скакова, который предлагает иную версию появления обряда кремации у племен, имеющих колхидо-кобанскую основу.

Работы А. Ю. Скакова

Анализ его позиции по проблеме обряда кремации целесообразно начать с доклада, прочитанного им на Первой Абхазской

международной археологической конференции. В нем автор подробно остановился на нескольких основных моментах. Один из них касался того, как возник этот обряд. Полемизуя с мнением В. И. Козенковой, исследователь отметил, что в срубной культуре действительно есть кремационные погребения, и этот обряд для нее является культуuroобразующим признаком, но количество таких погребений не превышает нескольких процентов. При этом отсутствуют критерии, которые позволили бы соотнести данный погребальный обряд с той или иной группой срубного общества или вообще выделить устойчивую группу признаков, характерных только для погребений с кремациями. В сабашиновской культуре им отмечено единственное кремационное погребение (Борисовка, курган 3, погребение 2 — см. *Шмаглий, Черняков, 1970. С. 54–56*). Для Средней Европы среднего и позднего бронзового века характерна кремация в урнах. В срубной культуре известна кремация на стороне, но с помещением праха в грунтовые ямы.

Еще одно направление в «неприятии» А. Ю. Скаковым средневропейского пути появления данного обряда связано с датировкой памятников. Так, В. И. Козенкова продолжает датировать протокобанские памятники, в которых появляется обряд кремирования, XIII — первой половиной XII в. до н. э. А. Ю. Скаков же обосновал удревнение наиболее архаичных памятников протокобанского времени (когда и появляется кремация) до второй четверти II тыс. до н. э., а памятников дигорской культуры (к которой относится большинство ранних кремаций) — до XV–XIII вв. до н. э. Он считает, что нет никаких оснований связывать появление кремации на Центральном Кавказе с сабашиновской культурой, датирующейся XIV–XII вв. до н. э.² (*Скаков, 2009. С. 157*). Попытка отнести время появления древнейших памятников Протокобани и дигорской культуры к началу II тыс. до н. э.,

² Последние данные показывают удревнение нижней границы существования сабашиновской культуры, по меньшей мере, до XV в. до н. э. (см. *Сава, Кайзер, 2011. С. 377–397*, с цитированной литературой; *Сава и др., 2019. С. 170*). — *Примеч. ред.*

синхронизировав их с данными, основанными на радиоуглеродной базе культур посткатакомбного блока (*Мимоход, 2013. С. 18*), предпринята на незначительной серии анализов, которых явно недостаточно для этой цели. Ни одна из серии дат не дотягивает до минимального порога статистической корректности. Соотнесение же систем радиоуглеродной и относительной хронологии не может осуществляться прямым их совмещением (см. *Мимоход, 2011. С. 49*). Основываясь на том же принципе, В. А. Трифонов отнес протокобанские памятники к XV–XIV вв. до н. э., тогда как протоколхидские определены им в промежутке от XXV до XVIII в. до н. э. По его мнению, в XX–XVIII вв. до н. э. в подгорной зоне Центрального и Западного Кавказа существуют памятники, на основе которых позднее сформировалась протокобанская культура (*Трифонов, 2001. С. 80–81*). Противоречивость и недостаточность подобных данных заставляют автора статьи пока воздерживаться от их применения.

Второй вопрос — мог ли этот обряд появиться из Закавказья — оба исследователя решают по-разному. А. Ю. Скаков приводит мнение В. И. Козенковой о невозможности согласиться с выводом о «широкой практике» кремации в Закавказье в эпоху, синхронную и более раннюю, чем культура Верхнерутхинского могильника. Поэтому, несмотря на наличие определенного количества кремационных захоронений в археологических культурах Закавказья, этот обряд не мог проникнуть оттуда в кобанскую культуру. А. Ю. Скаков предпочитает выводить традицию кремации из триалетской культуры, где она была характерна для богатых погребений периода ее расцвета и близких им памятников (Цалка, Зуртакети, Метехи, Самтавро, Садуга), так как она синхронна памятникам протокобанского I этапа. Для Триалети, как и для Протокобани, была характерна кремация на стороне (в сочетании с ингумацией), но с захоронениями праха в каменных подкурганских склепах. В Звельских курганах коллективные кремационные погребения в каменных камерах также сосуществуют с ингумацией.

Кремация эпизодически встречается в ряде других закавказских памятников, предшествующих или культурно близких протокобанским. В частности, в погребении № 16 Кобальского могильника и в погребении № 34 могильника Цавгли предполагаются погребения в урне. По мнению А. Ю. Скакова, именно закавказский импульс финала среднего бронзового века был решающим в формировании протокобанского пласта памятников и собственно кобанской культуры. Кремация, наряду с некоторыми типами инвентаря или их репликами, связанная своим происхождением с триалетскими и посттриалетскими памятниками, распространяется по всему ареалу дигорской культуры (Верхняя Рутха, Кари Цагат, Брили, Богеши). В более поздний период кремация продолжает периодически встречаться в раннекобанских (проникая на территорию западного варианта кобанской культуры) и классических кобанских памятниках.

Исследователем отмечена и неоднородность кремационной традиции в рассматриваемых им погребениях. Он выделяет две группы: кремации в каменных склепах («домики мертвых») и кремации в больших грунтовых ямах. Первая группа является наиболее древней и главным образом присуща протокобанским и кобанским памятникам (за исключением Звели). Вторая группа преимущественно характерна для могильников колхидской ингури-рионской культуры. Кремационные погребения Боржомского ущелья являются урновыми. Он считает, что происхождение данного обряда в этих случаях различно. О факторе миграций применительно к обряду трупосожжения действительно можно говорить, но они имели локальный характер (Скаков, 2007а). В дальнейшем эти положения были им представлены и в публикации (Скаков, 2009).

В материалах Джантухского могильника в Абхазии зафиксированы коллективные погребения (погребальная яма № 6) второго яруса захоронений по обряду кремации на стороне, датирующиеся XII–XI вв. до н. э. По мнению А. Ю. Скакова, этот обряд появляется на изучаемой им территории в период

XIII–XI вв. до н. э. (нижний слой погребальной ямы № 6) и в дальнейшем эволюционирует (Скаков, 2011. С. 123, 126).

В статье А. Ю. Скакова, А. И. Джопуа и А. Козубовой приведено мнение Г. К. Шамба и С. М. Шамба о том, что истоки обряда кремации у колхидо-кобанских племен имеются в местных культурных традициях, которые нет оснований связывать с миграцией населения из Средней Европы. По мнению авторов, появление обряда кремации относится к протокобанской эпохе и связано с Закавказьем — триалетским и посттриалетским импульсами финала среднего бронзового века. Относительно Джантухского могильника был сделан вывод о том, что он по своим основным характеристикам более близок к кобанским, чем к колхидским памятникам. Для данного некрополя свойственна кремация на стороне, что более характерно для ранних колхидских погребений, тогда как для поздних — кремация на месте при вторичном обряде погребения. Коллективные кремационные погребения отмечены на могильнике Уреки в Западной Грузии. Авторы статьи считают, что непродуктивно связывать кремационные погребения с ареалом колхидской культуры в целом, как это предлагает В. И. Козенкова. По их мнению, это связано с тем, что некрополи с кремационными захоронениями сосредоточены в сравнительно небольшом районе Центральной Колхиды. За его пределами кремационные погребения (причем только индивидуальные) известны лишь на могильниках Гуадиху и Красный Маяк, находящихся в контактных зонах. В то же время заметная группа практически аналогичных по обряду и близких по инвентарю погребальных памятников давно известна в Кабардино-Пятигорье. Ранее А. Ю. Скаков допускал, что кремация проникает в Центральную Колхиду именно оттуда в X–IX вв. или в IX — первой половине VIII в. до н. э. Однако после обнаружения раннего кремационного погребения на Джантухском могильнике картина изменилась. Западнокобанские памятники утратили хронологический приоритет. Проникновение кремации в Кабардино-Пятигорье и

в Центральную Колхиду можно считать одно-временным. Связывать этот импульс следует с протокобанскими памятниками — с дигорской археологической культурой (Скаков и др., 2013. С. 14, 23–25, 29).

В дальнейшем А. Ю. Скаков обращается к разрушенному коллективному погребению Богреша в Сванетии, для которого он предполагает кремацию на стороне. Он датирует его первой половиной II тыс. до н. э., а возможно, и более древним временем (Скаков, 2013. С. 153–154). Исследователь считает, что на одном могильнике в синхронных погребениях с одинаковым инвентарем могли сочетаться различные обряды (ингумация, кремация), что, видимо, не связано ни с половозрастной, ни с социальной стратификацией. Появление обряда кремации в Западном Закавказье, вероятно, следует связывать с импульсом раннекобанских племен Центрального Кавказа, хотя необходимо учитывать наличие следов кремации в коллективных гробницах Красной Поляны среднего бронзового века (Скаков, 2007б. С. 215–216).

Работы других исследователей

Тема кремации присутствует и в ряде работ ученых-кавказоведов. Так, в монографии М. Н. Погребовой трупосожжению, а также применению огненных ритуалов, используемых населением в междуречье Куры и Аракса в позднем бронзовом и раннем железном веках, отведена заметная роль (Погрехова, 2011). Ею отмечено, что трупосожжение как способ захоронения зафиксирован на протяжении всех изучаемых ею хронологических периодов (вторая половина II — начало I тыс. до н. э.) практически на всей территории Восточного Закавказья. Оно использовалось достаточно редко и, как правило, лишь в отдельных погребениях на памятниках, где преобладала ингумация. Однако в ряде случаев (могильник «Славянка», XV–XII вв. до н. э., могильник у с. Заталу, конец XII — IX в. до н. э.) все погребения были устроены по обряду кремации на стороне. Помимо грунтовых данный обряд зафиксирован и в курганных некрополях. Он известен начиная с энеолита

(курган на р. Хаченагет), продолжается в раннем бронзовом веке (курганная группа в местности Осман-Бозу — в трех из четырех курганов). В среднем бронзовом веке разнообразием обрядов захоронения преимущественно отличались рядовые погребения. Для элитных же захоронений практически повсеместным был обряд трупосожжения. В значительном количестве обряд кремации зафиксирован на памятниках куро-араксской культуры, на памятниках триалетской культуры она преобладала. Этот обряд продолжал существовать и в последующее время, сочетаясь с другой обрядовой нормой — сжиганием деревянных элементов (перекрытий и стен) погребальных конструкций. В ряде случаев (Лчашен, Хасанлу и др.) пол погребальных камер был покрыт золой. В четырех курганах Гараджамирли в камерах зафиксированы остатки кострищ. В некоторых случаях (Кировобад, Ганжа, группа II, курган № 11) огонь, разведенный над настилом, сопровождал трупосожжение внутри могилы. В погребениях с оленями кремирован только основной покойный. Можно предполагать трупосожжение в одной из могил к юго-западу от Еленендорфа на правом берегу р. Гянджачай, в двух из 17 погребений под одной насыпью кургана у горы Парсегагох, в двух из пяти курганов у с. Кара-Булак, в одном из шести курганов у с. Ходжалы, в кургане Паша-тапа, в одном из девяти курганов 2-й группы степных курганов. В Армении погребения с кремацией известны в могильнике Неркин Навер (средний бронзовый век).+

В то же время для выделяемого М. Н. Погребовой I хронологического периода (конец XV — XIV в. до н. э.) отмечено почти полное исчезновение этого обряда на исследуемой ею территории. Этот вывод слабо коррелирует с представляемыми материалами. Вполне вероятно, что подобное противоречие во многом связано с выборочным охватом материала с территории Южного Закавказья, что отмечено и самой исследовательницей. Она не смогла *de visu* ознакомиться со значительной частью добытых в последние годы комплексов, а многие из опубликованных

материалов страдают неполнотой. Кроме того, предметом ее анализа являлись только те памятники Куро-Араксского междуречья, для которых автор счел возможным определить узкую дату. Подобное ограничение «вывело» за пределы изучения значительную часть материалов, что, вероятно, исказило общую картину. Для V хронологического периода (конец IX — первая половина VII в. до н. э.) единичные случаи кремации встречены в Кедабекском могильнике, а также в ряде курганных захоронений Ходжалы. Здесь помимо трупосожжений найдены наполненные пеплом сосуды, а часть пепла присутствовала в различных частях погребений. В погребениях курганного типа чаще всего практиковалось сожжение на стороне, с выкладыванием пепла на погребальном ложе или повозке, что было свойственно и триалетской культуре. Ею отмечено, что, по мнению многих исследователей, данный обряд несет в себе переднеазиатское влияние. М. Н. Погребова считала, что приток населения из Восточной или Средней Европы принес сожжение и погребения в повозках на марткопском этапе. На следы «северного влияния» в курганной культуре указывалось неоднократно. В качестве основного импульса обычно рассматривается ямная культура. По нашему мнению, это не так, ведь у носителей ямной культуры нет обряда сожжения тел покойных и погребений на повозках, хотя и встречаются некоторые элементы обряда кремации. Эти обрядовые нормы в развитой форме присутствуют только в погребальной практике катакомбной культуры. В то же время исследовательница приводит мнение Г. А. Меликишвили, который считает хурритской традицией сожжение тела и положение его на повозку. Но присутствие и разнообразие применения данного обряда, наряду с традиционным, вполне могло быть связано с отсутствием стабильного общественного устройства, которое было отмечено М. Н. Погребовой для начала позднего бронзового века. Огонь в основном присутствует в среде «элитных» погребений, где изредка встречаются и трупосожжения, а также среди захоронений особого

социального ранга (жрецы). Что же касается обряда, по которому совершались «элитные» погребения, то, по ее мнению, он не имеет единого культурного и хронологического значения и связан с социальными условиями. Кремация, как и вытянутое положение, также не имела исключительного социального значения (*Там же*. С. 8–10, 14, 24–25, 46, 52, 62, 88–90, 98–101, 110–111, 132, 157, 159, 197, 211, 241–242, 251, 258).

Предпринятый краткий экскурс показывает, что использование огня при захоронении умерших было характерно для широкого круга культур как степного блока, так и Закавказья. Этот обряд фиксируется и у земледельческих культур Балкано-Дунайского региона, есть он у носителей трипольской культуры, в курганах раннего бронзового века Болгарии, в кеми-обинских памятниках раннего бронзового века Крыма. Он присутствует и в кавказских древностях. Помимо Закавказья (триалетская культура) и района формирования западного варианта кобанской культуры конца эпохи бронзы он фиксируется и в более раннее время. Так, он известен в погребениях новотитаровской культуры. А. Н. Гей отмечает, что в 21 случае наблюдалась частичная обожженность или частичная кремация покойников, но случаев полного сожжения нет. В трех случаях наблюдалась обожженность всего скелета, в четырех — разведение костров на скелете, в четырех — под скелетом. Этот обряд присутствует на всех этапах развития культуры, причем в захоронениях как взрослых, так и детей. Интересно, что 12 из 21 случая были обнаружены в одном могильнике у ст. Новотитаровской. Очевидно, что эта форма обряда была популярна только у отдельных групп населения. Согласно А. Н. Гею, подобный обряд зафиксирован в захоронениях степной новосвободненской группы и ямной культуры, а также в катакомбной и в батуринской культурах, у катакомбного населения Подонья и в Заволжье, у поздних ямников, в захоронениях культуры многоваликовой керамики. Во всех перечисленных культурах погребения с кремацией часто выделяются из общей массы неординарными

обрядовыми характеристиками (Гей, 2000. С. 126–127). Однако этот обряд применялся для всех социальных страт и без ограничения по возрасту. Для большинства культур в могильниках, где был зафиксирован этот обряд, число погребений с его использованием составляло от 10 до 15 %. В позднем бронзовом веке данный обряд стал применяться более широко.

А. Ю. Худавердян и С. Г. Обосян, анализируя причину использования кремации на Боверском могильнике в Армении, относящегося к позднему бронзовому — раннему железному веку, предположили, что захороненные таким образом люди погибли за пределами их территории, т. к. доставка тел умерших к родовым кладбищам другим способом была проблематичной. Ими же приведены мнения и других исследователей, изучавших этот обряд. Так, появление обряда кремирования в культурах с господствующей традицией труположения, по мнению Ю. А. Шилова, приурочено к неким переходным этапам в развитии обществ в период становления новых идеологий, переориентации мировоззренческого комплекса. Согласно Ю. И. Михайлову, по обряду кремации хоронили лиц, относящихся к особой социальной категории (жрецы) или обладающих другим первостепенным социально-семейным статусом (Худавердян, Обосян, 2017. С. 9–11).

Выводы

Концепция появления обряда кремации на основе привлекаемых В. И. Козенковой материалов, на наш взгляд, является, скорее, культурологической конструкцией, чем реальной оценкой имеющихся материалов. Особенно это симптоматично на фоне отсутствия явных следов проникновения «носителей срубных традиций» на изучаемую нами территорию в XIV–XIII вв. до н. э., во время, когда происходил процесс формирования основ кобанской культуры. Появление «носителей срубных традиций» на Северном Кавказе В. А. Сафронов определял рубежом XIII–XII вв. до н. э., а В. И. Мамонтов считает, что это произошло еще позднее — не ранее конца

белозерского этапа, в конце IX в. до н. э. (Сафронов, 1970. С. 321; Мамонтов, 1980. С. 176). В выделяемой И. А. Сорокиной для территории степного Прикубанья культурном образовании XV–XII вв. до н. э., входящем в срубный мир, признаки кремации отсутствуют. Она подчеркнула, что возникновение этой группы памятников не было связано с экспансией срубной культуры (Сорокина, 1989. С. 287).

В то же время в ряде могильников иных культурных традиций, чье происхождение и развитие изначально или в основном происходило на Северном Кавказе, этот обряд фиксируется на протяжении длительного времени, в том числе и в позднем бронзовом веке. Достаточно ранние материалы прото- и раннекобанского периодов горно-предгорной зоны являются весомым аргументом в пользу его автохтонного происхождения. Самые ранние находки в гробнице № 2 могильника Терезе связаны с закавказским компонентом, тогда как возможные среднеевропейские импорты демонстрируют кавказский металл и формы. На этом фоне «колхидское» и более раннее «триалетское» направления выглядят более правдоподобными.

Возможно, что изменения в обрядовых практиках Кобани могли быть связаны не с прямым заимствованием, основанным на включении инокультурного компонента и восприятии его традиций, а со сменой идеологической основы самой погребально-поминальной обрядности. Это могло привести к более интенсивному использованию практики трупосожжения. Дополнительным доводом в пользу данного предположения может служить его усложнение, когда на смену сожжению на стороне либо использованию огня в самом погребальном сооружении (что было характерно для всех упомянутых выше культур) появляются специализированные площадки для проведения церемонии в пределах территории могильника. Если в одном и том же обряде встречается разнообразие, прежде всего, способов захоронения: кремация — на месте, на стороне, в урнах, в склепах, в грунтовых ямах, то он вряд ли мог носить сугубо этнокультурный характер,

а скорее всего являлся надкультурной обрядовой практикой. Поэтому его распространение вряд ли стоит связывать с миграцией каких-то «этнических» группировок. Очевидно, что при смене традиционного обряда труположения на инокультурную погребальную практику сожжения умерших была необходима кардинальная смена идеологических представлений. Не исключено, что погребальные традиции, характерные для восточноевропейского

населения позднего бронзового века могли стать составной частью формирующихся социальных норм на «предкобанском» этапе, когда их восприятие еще не ограничивалось сформированными и закрепленными регламентами обрядовых церемоний. Для уточнения этих вопросов необходимо привлечь источники, связанные с влиянием сообществ «подвижных скотоводов» финала среднего и начала позднего бронзового века.

Гей, 2000 — Гей А. Н. Новотиторовская культура. М.: Старый сад, 2000. 224 с.

Добровольская, 2010 — Добровольская М. В. К методике изучения материалов кремации // КСИА. 2010. Вып. 224. С. 85–97.

Козенкова, 1982 — Козенкова В. И. Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // СА. 1982. № 3. С. 14–35.

Козенкова, 1989 — Козенкова В. И. Большой Кавказ в XIV–IV вв. до н. э. Кобанская культура: модель тысячелетнего развития: Научный доклад, представленный в качестве дис. ... д-ра ист. наук. М., 1989. 59 с.

Козенкова, 1996 — Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: Наука, 1996. 162 с.

Козенкова, 2004 — Козенкова В. И. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII — VIII в. до н. э. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 220 с. (Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа; Вып. V).

Козенкова, Мошинский, 1995 — Козенкова В. И., Мошинский А. П. Кобанская культура Кавказа. Генетические корни и условия формирования (третья четверть II тыс. до н. э.) // Историко-археологический альманах / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. Армавир; М.: Армавирский краеведческий музей, 1995. Вып. 1. С. 48–52.

Мамонтов, 1980 — Мамонтов В. И. О погребениях позднего этапа срубной культуры в Нижнем Поволжье // СА. 1980. № 1. С. 175–194.

Мимоход, 2011 — Мимоход Р. А. Радиоуглеродная хронология блока поскатакомбных культурных образований // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 31–53.

Мимоход, 2013 — Мимоход Р. А. Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 28 с.

Погребова, 2011 — Погребова М. Н. История Восточного Закавказья: вторая половина II — начало I тыс. до н. э. (по данным археологии). М.: Восточная литература, 2011. 422 с.

Сава, Кайзер, 2011 — Сава Е., Кайзер Э. Поселение с «зольниками» у села Одая-Мичурин, Республика Молдова (Археологические и естественнонаучные исследования). Chişinău: Bons Offices SRL, 2011. 532 p. (Biblioteca “Tyragetia”; Vol. XIX.)

Сава и др., 2019 — Сава Е., Кайзер Э., Сырбу М. Некоторые результаты исследований на поселениях комплекса Ноуа-Сабатиновка-Косложень, расположенных в южной части Республики Молдова // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Междунар. конф. (18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. А. В. Поляков, Е. С. Ткач. Т. II: Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рожд. выдающ. археолога В. С. Бочкарёва. СПб.: ИИМК РАН; Невская Типография, 2019. С. 169–171.

- Сафронов*, 1970 — *Сафронов В. А.* Хронология памятников II тыс. до н. э. юга Восточной Европы: Дис. ... канд. ист. наук // НОА ИА РАН. Р-1. № 2078.
- Скаков*, 2007а — *Скаков А. Ю.* К вопросу о происхождении обряда кремации у кобанских и колхидских племен // Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия: Первая Абхазская Междунар. археол. конф., посвящ. памяти Ю. Н. Воронова (Сухум, Абхазия, 06–11 ноября 2006 г.) / Отв. ред. В. В. Бжания. Сухум: Алакарба; Сухумский госуниверситет, 2007. С. 325–328.
- Скаков*, 2007б — *Скаков А. Ю.* К вопросу о погребальных обрядах населения древней Колхиды // Лавровский сборник: Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований: этнология, история, археология, культурология, 2006–2007 / Отв. ред. Ю. Ю. Карпов, И. В. Стаевич. СПб.: РИО МАЭ, 2007. С. 215–218.
- Скаков*, 2009 — *Скаков А. Ю.* Некоторые проблемы истории Северо-Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы — раннего железа // КСИА. 2009. Вып. 223. С. 143–172.
- Скаков*, 2011 — *Скаков А. Ю.* Раскопки Джантухского могильника в Абхазии // Вестник РГНФ. М., 2011. № 4 (65). С. 121–132.
- Скаков*, 2013 — *Скаков А. Ю.* Транскавказские связи на Западном и Центральном Кавказе в эпоху раннего железа // Древняя и средневековая культура адыгов: Материалы Междунар. науч.-практич. конф. / Отв. ред. Б. Х. Бгажников, В. А. Фоменко. Нальчик: КБИГИ, 2014. Ч. I. С. 151–172.
- Скаков и др.*, 2013 — *Скаков А. Ю., Джоуа А. И., Козубова А.* Открытия Г. К. и С. М. Шамба на могильнике Джантух: новый взгляд на старые находки // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: Материалы Третьей Абхазской международной археологической конференции, посвященной памяти Г. К. Шамба (28 ноября — 1 декабря 2011 года, г. Сухум) / Отв. ред. М. Т. Кашуба, А. Ю. Скаков. Сухум: ИИМК РАН; АБИГИ им. Д. И. Гулиа АНА; Дом печати, 2013. С. 22–45.
- Сорокина*, 1989 — *Сорокина И. А.* О прикубанском варианте срубной культурно-исторической общности // Древности Ставрополья: Сб. науч. статей / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. М.: Наука, 1989. С. 279–282.
- Трифонов*, 2001 — *Трифонов В. А.* Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита — средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы Междунар. науч. конф. к столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы / Отв. ред. Ю. И. Колев. Самара: СамГПУ, 2001. С. 71–82.
- Худавердян, Обосян*, 2017 — *Худавердян А. Ю., Обосян С. Г.* К вопросу о реконструкции обряда кремации у носителей эпохи поздней бронзы и раннего железного века Армении // Научные ведомости БелГУ. Сер. «История. Политология»; вып. 41. Белгород, 2017. № 1 (250). С. 9–15.
- Шмаглый, Черняков*, 1970 — *Шмаглый Н. М., Черняков И. Т.* Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (1964–1966 гг.) // Тр. Днестро-Дунайской новостроечной экспедиции 1963–1967 гг. Ч. I: Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра / Отв. ред. П. О. Карышковский. Одесса: Маяк, 1970. С. 5–115 (Материалы по археологии Северного Причерноморья; Вып. 6).

Cremation rite in the Koban Culture of the Caucasus

S. B. Burkov

The rite of cremation is known in the Koban culture of the Caucasus from the latter's initial stage. It is supposed that its appearance was borrowed from other cultures. V. I. Kozenkova holds the version that it is of the Central-European (Danube) origin. Namely, during the mediation of

tribes of the Sabatinovka culture it penetrates the Northern Caucasus where, at the 'pre-Koban stage', Lower-Danubian types of ornaments and weapons are found. At the early stage, this rite reflected the presence of migrants who further on were diluted in the milieu of local tribes. In the Transcaucasia, it became widespread only by the beginning of the 1st millennium BC, i.e. notably later than at the Central-Caucasian sites; therefore this region cannot be considered as the original one. In the opinion of A. Yu. Skakov, this ritual tradition cannot have been borrowed from steppe cultures where it was fairly widespread. Neither there are any criteria which would enable to compare it with some or other group of the Timber-grave population or to identify any stable aggregation of features characteristic exclusively of burials with cremations. Of people of the Middle and Late Bronze Age in Central Europe, cremations in urns are typical. In the Timber-grave (Srubnaya) culture, cremation aside is known, however with placement of the ashes into ground pits; here no 'crematoria' are found. The dates of the Sabatinovka culture do not coincide with the early Koban stage when cremation burials appear in it. A. Yu. Skakov supposes that this rite arose under the influence of the tribes of the Trialeti and post-Trialeti cultures of the Transcaucasia during the time of their flowering and the sites close to them and synchronous to those of the proto-Koban 1st stage. It is exactly the Transcaucasian impulse of the final Middle Bronze Age that was decisive for the formation of the proto-Koban group of sites and the Koban culture proper. Cremations began to be distributed throughout the entire area of the Digora culture. G. K. Shamba and S. M. Shamba supposed that the origins of the cremation rite among the Kolchis-Koban tribes are traceable in the local cultures so that there are no grounds to link it with the migration of population from Central Europe. In our opinion, the rite of cremation has roots in old traditions in the Northern Caucasus having been present in different cultures for a long period. Possibly, its emergence is related not with a direct borrowing from traditions of other cultures but was due to the change of the ideological basis of the burial-memorial rite itself which led to the increase of the number of cremations. With the introduction of cremations in the late Bronze Age, the funerary practices became more complicated. If a diversity of forms is encountered in one and the same rite, then it can have had no strictly ethnocultural nature but rather be of a super-cultural character. Therefore the distribution of cremations in the Koban culture hardly is to be linked with a migration of some particular 'ethnic' groups of population.